

Мас. №1049,

с. 3

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

НѢЧТО О Г. ЧЕХОВѢ И „ФУТЛЯРХЪ“.

I.

Г. Антонъ Чеховъ написалъ новый разказъ, и это не составило „событiя“ даже въ тѣхъ кружкахъ гдѣ на г. Чехова взирають съ восторгомъ и умилениемъ. Разказъ безсодержателенъ, плохъ, но обойти его молчанiемъ нельзя, потому что въ немъ съ чрезвычайною ясностью раскрываются основные недостатки писателя, умѣющаго воспроизводить лишь внѣшнiя стороны житейскихъ явленiй. Этотъ основной недостатокъ мы находимъ вездѣ, даже въ самыхъ удачныхъ произведенiяхъ г. Чехова, въ послѣднемъ же разказѣ онъ обозначился такъ рѣзко что его замѣтить и поверхностный читатель.

Г. Чеховъ повѣствуетъ о „человѣкѣ въ футлярѣ“, нѣкомъ Бѣликовѣ, учителѣ греческаго языка.

Бѣликовъ отличался тѣмъ что „всегда, даже въ очень хорошую погоду, выходилъ въ калошахъ и съ зонтикомъ, и непремѣнно въ тепломъ пальто на ватѣ. И зонтикъ у него былъ въ чехлѣ, и часы въ чехлѣ въ изъ стѣрой замши и, когда вынималъ перочинный ножъ чтобъ очинить карандашъ, то и ножъ у него былъ въ чехольчикѣ; и лицо, казалось, тоже было въ чехлѣ, такъ какъ онъ все время пряталъ его въ поднятый воротникъ. Онъ носилъ темныя очки, фуфайку, уши закладывалъ ватой, и когда садился на извозника, то приказывалъ поднимать верхъ. Однимъ словомъ, у этого человѣка наблюдалось постоянное

и непреодолимое стремленiе окружить себя оболочкой, создать себя, такъ сказать, футляръ, который уединилъ бы его, защитилъ бы отъ внѣшнихъ влiянiй.“

Въ гимназiи Бѣликовъ игралъ не послѣднюю роль. Товарищи и даже директоръ его боялись, потому, должно быть, что Бѣликовъ „и мысль свою старался запрятать въ футляръ, строго придерживаясь правилъ и циркуляровъ.“

Вообще, герой новаго разказа г. Чехова представляетъ собою очень знакомую фигуру педанта и затѣлаго систематика, въ которомъ сила рутины, „правилъ и циркуляровъ“, замѣняетъ живую нравственную силу. Еслибы товарищи Бѣликова въ такой же мѣрѣ обладали этою живою силой, въ какой онъ обладалъ силой педантизма и рутины, то власть его надъ ними не продолжалась бы и одного дня.

Упустивъ изъ виду подобное простое соображенiе, г. Чеховъ стремится придать своему герою элементъ загадочности и таинственности. Но что можетъ быть загадочнаго въ человѣкѣ имѣющемъ пристрастiе къ чехольчикамъ и живущемъ согласно „правиламъ и циркулярамъ“? Гну Чехову поневолѣ пришлось дать всей исторiи „человѣка въ футлярѣ“ банальный оборотъ.

Прiѣхалъ въ городъ, гдѣ служилъ Бѣликовъ, новый учитель исторiи и географiи, Хохоль Коваленко. Съ нимъ прiѣхала сестра Варенька, дѣвица лѣтъ тридцати, „стройная, чернобровая, краснощекая... и такая разбитная, шумная—все поетъ малороссiйскiе романсы и хохочетъ“. Варенька произвела на Бѣликова впечатлѣнiе, и гимназическiя дамы

3
тотчасъ же рѣшили что Хохлушку и „человѣка въ футлярѣ“ необходимо поженить. Такъ, вѣроятно, и случилось бы, ибо Варенька была не прочь „пристроиться“, но все дѣло испортили „правила“ и педантизмъ Бѣликова.

Идетъ однажды Бѣликовъ по улицѣ и видитъ—мчится на велосипедѣ Коваленко, а за нимъ—Варенька.

— Позвольте, что же это такое? спросилъ онъ.—Или, быть—можетъ, меня обманываетъ зрѣніе? Развѣ преподавателямъ гимназій и женщинамъ прилично ѣздить на велосипедѣ?

Пораженный такимъ непорядкомъ, Бѣликовъ отправился къ Коваленкѣ и попытался наставить коллегу на путь истинный. Коваленко, вообще не любившій Бѣликова, встрѣтилъ его наставленія очень холодно, а когда „человѣкъ въ футлярѣ“ заявилъ что „долженъ будетъ доложить господину директору содержаніе ихъ разговора“, то вспылчивый Хохоль схватилъ непрошеннаго совѣтника за шиворотъ и сбросилъ его съ лѣстницы. Какъ разъ въ эту минуту къ подъѣзду подошла Варенька. При видѣ барахтавшагося въ пыли Бѣликова, она не могла удержаться отъ хохота, „и этимъ раскатистымъ, залихватнымъ „ха, ха, ха““ завершилось все: и сватовство, и земное существованіе Бѣликова.

Вернувшись домой, Бѣликовъ немедленно слегъ въ постель и черезъ мѣсяцъ умеръ.

II.

„Люди въ футлярахъ“ существуютъ несомнѣнно. Каждый изъ насъ ихъ встрѣчалъ. Иногда „футляръ“ отличается большимъ изяществомъ и содержитъ, въ то же время, сущую

4
дрянь. Иногда, наоборотъ, въ ветхомъ и убогомъ „футлярѣ“ хранится рѣдкая драгоценность. Но когда можетъ возникнуть вопросъ о футлярѣ? Очевидно, только тогда, когда сквозь наружную благообразность человѣка ясно проступаетъ его душевная непорядочность, или когда внѣшнее-безобразные черты вдругъ озарятся блескомъ внутренняго совершенства.

Ничего подобнаго въ случаѣ съ Бѣликовымъ нѣтъ. Допустимъ, что чехольчики, правила, циркуляры—все, включительно до готовности „докладывать“ господину директору—„футляръ“. Ну, а гдѣ же внутренняя сущность? Гдѣ хотя бы слабый намекъ на то что чехольчики, циркуляры и „докладыванія“ находятся въ полномъ несоотвѣстствіи съ тающимися на дѣѣ души *положительными* особенностями человѣка?

Правда, Бѣликовъ почувствовалъ къ Варенькѣ нѣчто похожее на любовь. Но развѣ чувство къ женщинѣ, само по себѣ, представляетъ какую-либо добродѣтель? Прекрасна лишь та любовь которая заливаютъ, въ глазахъ любящаго человѣка, весь міръ блескомъ весенняго солнца, которая дѣлаетъ насъ отзывчивѣе, мягче, доступнѣе чужимъ радостямъ и печалямъ, которая умиряетъ эгоизмъ и скептическое отношеніе къ жизни!..

Бѣликовъ полюбилъ не такую любовь. Его любовь не испепелила ни одного „циркуляра“ и не вышвырнула за окно ни одного чехольчика. Любя Вареньку, онъ не задумывается явиться къ ея брату съ пошлыми наставленіями и грозить доносомъ. Еслибъ этотъ тупоголовый педантъ женился, онъ сталъ бы еще несноснѣе, цѣлкомъ погрузился бы въ заботы о своемъ уютномъ благополучіи и

сживалъ бы со свѣта всѣхъ кто въ этомъ смыслѣ дерзнулъ бы стать ему поперекъ дороги.

Такимъ образомъ, г. Чеховъ очень ошибся, вообразивъ что его герой— „въ футлярѣ“, и что, раскрывъ этотъ „футляръ“, мы увидимъ нѣчто болѣе интересное, нежели чехольчики и циркуляры. Вотъ тутъ-то именно и сказалась характерная особенность нашего автора, его существенный писательскій недостатокъ, о которомъ я упомянулъ въ началѣ статьи.

Наблюдаетъ г. Чеховъ человека. Вотъ—человѣкъ сидитъ. Вотъ онъ всталъ, надѣлъ пальто, шляпу, вышелъ на улицу. Вотъ онъ встрѣтился съ другимъ человѣкомъ, разговаривая, во время разговора поднялъ тонъ, наговорилъ собесѣднику непріятностей, потомъ они разошлись въ разныя стороны. Г. Чеховъ все это добросовѣстно наблюдаетъ и добросовѣстно переноситъ на бумагу. Получается нѣчто въ родѣ „живой или движущейся фотографіи“: жесты, манеры, выраженія лицъ — переданы бойко и точно, но *внутреннюю* человека нигдѣ нѣтъ.

Персонажи чеховскихъ разказовъ обыкновенно остаются таинственными незнакомцами. Мы знаемъ что они дѣлаютъ, какъ дѣлаютъ, съ кѣмъ встрѣчаются и расстаются, но *кто* они *такіе*—этого и самъ г. Чеховъ не знаетъ.

III.

Я не считаю невѣроятнымъ предположеніе что г. Чеховъ не разъ задумывался надъ тою великою трудностью которую ему приходится преодолевать дабы хоть однимъ глазомъ заглянуть въ душу человека. Можетъ-быть, на этой именно почвѣ

у него и возникла мысль о „людяхъ въ футлярахъ“. Вотъ, дескать, какими узорами расписанъ человѣкъ, а поди, догадайся по нимъ объ его внутренней сущности. Узнай по формѣ и отдѣлкѣ футляра что въ немъ: пенковый мундштукъ или великолѣпная брилліантовая булавка, серебряный подстаканникъ или ожерелье въ нѣсколько тысячъ.

Кто слѣдилъ за литературною дѣятельностью г. Чехова, тотъ навѣрно помнитъ нѣсколько удачныхъ и остроумныхъ анекдотовъ разказанныхъ этимъ писателемъ. Но развѣ анекдоты можно назвать серіозными произведеніями искусства? Пусть талантливый анекдотъ имѣетъ, самъ по себѣ,—цѣну, но съ точки зрѣнія искусства она крайне невелика.

Даровитый анекдотистъ, г. Чеховъ попробовалъ свои силы въ „крупныхъ вещахъ“. Попытка вышла неудачною. Теперь онъ опять принялся за миниатюры. Но вѣдь нельзя топтаться на одномъ мѣстѣ, нельзя весь вѣкъ разказывать анекдоты. Г. Чеховъ хочетъ придать своимъ анекдотамъ интересъ новизны. Ранѣе онъ ихъ разказывалъ безъ затѣй, нынче разказываетъ съ затѣями. О г. Чеховѣ мнѣ приходилось говорить не разъ и подробно. Въ *Русскомъ Вѣстникѣ* (1896 г.) я напечаталъ о немъ статью подъ заглавіемъ *Жертва безвременья*. Что г. Чеховъ жертва литературнаго безвременья—не подлежитъ сомнѣнію. Но онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и жертва безвременья общественнаго. Начало и развитіе его писательской дѣятельности относится къ той эпохѣ, когда въ обществѣ идейные интересы значительно ослабли, потому что предъ этимъ были чересчуръ напряжены. И относительно

Псих—
Человѣкъ
Внутреннее
Человѣкъ
в мч.

4
выбора путей общество колебалось, склоняясь то направо, то налево.

Какъ писатель и человекъ известной эпохи, г. Чеховъ не могъ избѣжать дѣйствія теченій, которымъ долженъ былъ или отдаться, или противостоять. Онъ, однако, съумѣлъ занять болѣе или менѣе нейтральную позицію, главнымъ образомъ потому что его интересовали „мелочи жизни“, и въ изображеніи этихъ мелочей онъ получилъ возможность не считаться съ *сильными* общественными теченіями.

Отсюда—безыдейность чеховскихъ анекдотовъ,—не та безыдейность, которая является результатомъ художественно-объективнаго отношенія писателя къ жизни и которая знаменуетъ лишь отсутствіе предвзятости, тенденціозности, а та которая свидетельствуетъ о равнодушіи и значительной беззаботности автора.

Можетъ-быть въ безыдейности, то есть въ отсутствіи стройнаго міросозерцанія, слѣдуетъ искать причину обуславливающую коренной недостатокъ г. Чехова какъ беллетриста, — его неумѣнье добратся до „внутренняго человека“. Во всякомъ случаѣ, этотъ коренной недостатокъ выяснился съ полною очевидностью. Заниматься далѣе г. Чеховымъ, право, не интересно. Напишетъ онъ чуточку получше, напишетъ чуточку послабѣе — не все ли равно? Главное — писатель опредѣлился, мы знаемъ чего отъ него ждать, мы не увлекаемся несбыточными надеждами. Не пора ли предоставить дальнѣйшіе продукты его творчества въ исключительное пользованіе его поклонниковъ...

К. МЕДВѢДСКІЙ.

(Мас. № 1049, 1)

Иоск. Водомостъ, 1898
№ 215